

УДК 398=511.142; 908

С.Д. Дядюн

**Основные сказочные формулы
в устном народном творчестве ханты
(на примере сказки «Ими хиды и слепые старики»)**

Аннотация. Формулы в хантыйских сказках имеют большое значение в художественном осмыслении окружающей действительности. Их изучение позволяет получить исчерпывающее представление о фольклорной языковой картине мира и отраженном в ней менталитете этноса.

Язык сказки в целом характеризуется формульностью. Формулы встречаются в любой части сюжета сказки – в зачине, фабуле, кульминации, завязке. Они разделяют сказку структурно, по сюжету. Формулой может считаться речевая единица, повторяющаяся в тексте сказки неоднократно или в нескольких сказках.

В ходе нашего исследования была определена специфика сказочного жанра: неопределенность пространства и времени, психологическая неразработанность характеров, наличие особых условностей, принимаемых слушателями как данность.

Ключевые слова: фольклор, сказочные формулы, символы, запреты, обрядовые действия, границы, языковая картина мира, мифология.

S.D. Dyadyun

**Main fabulous formulas
in oral folk art of khanty people
(on the example of fairy tale «Imi hily and blind old men»)**

Summary. Formulas in Khanty tales have a great importance in the artistic comprehension of the reality. Their study allows to obtain the full view of the folk language picture of the world and reflected in it the mentality of the ethnos.

The language of the tale is characterized in whole by the formulnost'. Formulas can be found in any part of the tale – in the beginning, in the middle, at the end of the tale. Their main function is compositional. The formula may be considered as a speech unit, which is repeated in the same tale more than once or in the several tales.

This is due to the specificity of the tale genre: uncertainty of space and time, the crudity of psychological characters, the presence of specific conventions adopted by the listeners as a given.

Keywords: folklore, tale formulas, symbols, bans, ritual actions, borders, language picture of the world, mythology.

Фольклор является одним из средств распространения традиционной культурной информации через свойственную ему картину мира. Наряду с особой фразеологией, сказки обладают собственными, свойственными жанру структурными элементами: эпитетами, тавтологией, метафорами, формулами, параллелизмами. Формулы встречаются в любой части сюжета сказки – в зачине, фабуле, кульминации, завязке.

Они разделяют сказку структурно, по сюжету. Формулой может считаться речевая единица, повторяющаяся в тексте сказки или в нескольких сказках неоднократно.

Исследовательский текст дает представление о специфике сказочного жанра, это неопределенность пространства и времени, психологическая неразработанность характеров, наличие особых условностей, принимаемых слушателями как данность. Формулы служат заменой всему вышесказанному.

В качестве примеров мы рассмотрим формулы на примере хантыйской народной сказки *Ими хилы [па семды имецән-икецән]* 'Ими хилы [и слепые старики]' [1].

Ими хилы «фигурирует в космогонических мифах как посредник между мирами» [2]. С точки зрения семантики, начальная формула *Ими хилылэңки имэл пила вөлдэң атэлт калт йӱх авэтән, вөнт лөңх йӱх авэтән вөлдэң* 'Племянник бабушки жил с тетей, жил на одиноком лесном мысу, где находятся женские божества, на одиноком лесном мысу, где находятся мужские божества' подчеркивает, что события в сказке проходили во времена «богатырской эпохи» [2]. Авторский коллектив энциклопедии «Мифология хантов» отмечает существование нескольких эпох в устном народном творчестве народа ханты [2, 26]. «В большинстве сказок в зачине передается место действия, типологически схожее с первотворимым миром, где мир упорядочен, но некоторые отношения или часть природы или мифологии еще не сотворены» [3]. Тетя с племянником живут в тот период, когда земля уже появилась, а людей еще нет *атэлт вөлдэң* 'одни живут'. «Повествователь сообщает о том, о чем все и всегда «говорят», момент повествования не фиксируется, и нет необходимости согласовывать время действия и время повествования» [4].

Стилистический параллелизм *атэлт калт йӱх авэтән, вөнт лөңх йӱх авэтән* 'на одиноком лесном мысу, где находятся женские божества, на одиноком лесном мысу, где находятся мужские божества' дает представление о том, что в хантыйской мифологии присутствует дуализм: женское и мужское начало *калт* 'женское божество', *лөңх* 'мужское божество', что соответствует полноте мировосприятия.

В следующей формуле «время растворяется в вечности» [4]: *Вөдтан па кятн, имэл ими лӱв муй хөдәм сот ода йис, муй ньӱл сот ода йис – иса ши вөл хилыйӱл пила. Хилэл лӱв аңкэң төрәм, ащэң төрәм вөләм верэл, атэлт хйщәм верэл, имэл ими пила хйщәм верэл йнт па нөмдәлэ иши* 'Живут вдвоем, его тете то ли триста, то ли четыреста лет исполнилось, все это время живет [она] с племянником. Племянник [он] не помнит то время, как жил с матерью, как жил с отцом, не помнит, как остался с тетей'. Подобное формульное описание, на наш взгляд, поясняет, что тетя живет неопределенно долгое время. Специфическое сказочное числительное

муй хөдәм сот ода йис, муй ньӱл сот ода йис 'то ли триста лет исполнилось, то ли четыреста лет исполнилось' указывает на единицу времени, но в сказке подобная конструкция подчеркивает не только неизвестность точного ответа на вопрос, когда, где и как долго происходило описываемое событие, но и неважность этого в данном случае.

Распространенная в хантыйских сказках пространственная формула: *Хот шанш [пеләкән вөл] йл йӱл тохнәм кӱрәң йөш, шанш йӱл тохнәм мӱл кӱрәң йөш. Ши кӱрәң йөш хувәт ал мӱна, хот шанш пела кӱрәң йөш хувәт* 'За домом есть глубокая, до колен протоптанная тропинка [как порванный шов], глубокая до коленных суставов, протоптанная тропинка [как порванный шов]. Ты по этой протоптанной тропинке не ходи, за домом находящейся тропинке, не ходи' является границей перехода из одного пространства в другое (т.е. переход из царства живых в царство мертвых). В русских сказках «границами перехода из царства живых в царство мертвых является избушка на курьих ножках, следовательно, стражем этого перехода из одного царства в другое является баба яга» [5]. Таким образом, в хантыйских сказках границей перехода является глубокая, до высоты колен протоптанная тропинка, а стражами перехода между мирами в нижний мир являются мифологические существа: *Меңквы, Йалаңи, Кирәп нюләп имэт, Кар имэт*. Побеждая их, и пройдя те или иные испытания, герой обретает статус «духупокровителя».

В сюжете сказки мы видим, как персонаж нарушает запрет тети. Его действие, нарушающее запрет, всегда выражается в вопросительно-синтаксической конструкции. С этого и начинается развитие действия: *Муй пӱта имем ими мӱнты йнт есәлдәлдэ?* 'Почему это тетя [моя] меня не отпускает?'. Это и составляет завязку сказочного сюжета: может, тетя не ведает, а может, целенаправленно посылает мальчика пойти по той тропинке, чтобы он узнал о смерти своих родителей. Естественно, запрет выражается повелительным наклонением глагола в сочетании с отрицательной частицей *ал мана* 'не ходи'. Но, тем не менее, идет подробное описание местонахождения тропинки. Именно это вызывает интерес мальчика.

Как только мальчик переходит границу, ему попадается избушка, покрытая землей и мхом.

Он не заходит в дом, а поднимается по лестнице на крышу *Йис йи йӱх, ньмар йӱх эвалт верам хоңтсепэл вөл нух хөңхийәлды. Нух хөңхәс* 'Одна старинная, из неочищенной коры сделанная лестница есть, чтобы вверх подняться. Залез он наверх'. Т.А. Молданова, описывая пантеон обско-угорских божеств, отмечает, что «в священных преданиях упоминается лестница или столб, по которым можно подняться на Небо» [6]. Следовательно, на наш взгляд, лестница означает переход из одного пространства в другое. Герой смотрит за происходящим *щухал ов эвалт илды вантман омәсәл* 'через отверстие чувала вниз смотрит, сидя'. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик в своей статье рассматривали нору, дыру, отверстие в земле как переход в Нижний мир. Авторы относят мифологические тексты «к чрезвычайно широкому классу повествований, посвященных хождениям человека в потусторонний мир». Они отмечают «невидимость визионера для тамошних обитателей» [7]. Те же примеры можно проследить и в хантыйских текстах: *Кәт сәмды имәңан-иксәңан нурийән улдәңән* 'Двое слепых муж с женой спят на нарах'. Как отмечают эти же авторы, «будучи призраком, живой посетитель царства мертвых не виден никому... Мифологическая слепота – это некое качество, в равной мере присущее и субъекту и объекту коммуникации, «видящему» и «видимому» (точнее «невидящему» и «невидимому»). Отсюда мотив обоюдной слепоты представителей двух миров, который может быть объяснен двояким образом. Покойник слеп именно потому, что мертв, а невидим он, поскольку после похорон невозвратно исчезает из поля зрения живых... Соответственно, если для людей не видимы подземные духи, попавшие в наш мир, а живой посетитель потустороннего мира невидим для тамошних обитателей, то и сами земные визионеры порой остаются невидящими – в некотором смысле слепыми...» [7].

В сказке несколько раз упоминается: *щухал ов йәщәлт па нухды пәда сорәм тыйн нухрам, пәста верәм тыйң наңк йӱх йөщәт доңциләмәт щухал рата* 'Из отверстия чувала стоят острием вверх высохшие колья из лиственницы, изготовленные на скорую руку'. Лиственница в картине мира народа ханты – дерево богов, меңков. «Лиственница, как и береза, может играть функцию отделения мира людей от иного мира (духов, мертвых)» [6].

Следующий символ *Хор поңхал вөн нарәс йӱхәл вӱслә* 'Большой музыкальный инструмент [нарәс йӱх], похожий на оленью лопатку, взяла' означает, что слепой старик переходит к магическим заклинаниям. Лесные ненцы, живущие по соседству с народом ханты, проводили обряд гадания на оленьей лопатке. Позже ханты заимствовали этот обряд у ненцев. Далее мы наблюдаем специфическое заклинание – призыв лесных животных, он производится на священном музыкальном инструменте: *Вөнтән вөдты, йухәң вөнт шәйнишәнән йәңхты вөн хор ики! Төтән утн тыв ат төдыйән, алтән утн тыв алдайн! Тәм овәң щухал ова тыв ат сөхтәдыйән!* 'В лесу живущий, за лесом с деревьями гуляющий лесной олень, с большими рогами лесной олень! То, что везет, пусть тебя сюда привезет, то, что несет, пусть тебя сюда принесет! В этот чувал через отверстие пусть тебя затянет!'. Магические заклинания для привлечения зверя охотник произносит перед тем, как ставить слопцы. Их цель – воздействовать на зверя, обеспечить удачу в предстоящей охоте. Люди верили, что животные не только слышат и понимают человеческую речь, но могут и действовать. Эту формулу мы относим «к религиозно-магическому фольклору. Определяющие признаки жанра лежат в обрядовых корнях поэзии – как магической, так и лирической» [7].

То, что «слепые старики» являются мертвыми, подтверждает факт, что ими хилды, спасаясь от старика, привязывает к своему животу *сӱт кәвишәп* 'кусок точильного камня'. В похоронном обряде народа ханты точильный камень применяется как оберег от потусторонних сил; и его кладут под порог дома, для того чтобы душа умершего человека не взяла с собой души живых.

Выше приведенные формулы относятся к широкому классу повествований, посвященных хождениям живого человека в потусторонний мир. Пространственная формула *Дув па щи хөс хор хәхләм дәйтәң Ас, хөс хор хәхләм хулән Ас тыйәлә омәс, щәцәлз ими щи Кәлтац имийа мӱдәтләлзә* 'Он садится в верховья реки Обь, богатой ягелем и рыбой, а тетю назначает богиней Калтац' свидетельствует о том, что в этом случае представлен текст, объясняющий происхождение соответствующего духа, и этот текст сказки, судя по вышеприведенным формулам, восходит к мифам о происхождении смерти. «Смерть принимает формы «про-

странственного передвижения»... О посвящаемом говорят, что он умер и ушел в мир духов» [5].

Итак, рассмотренные формулы относятся к чрезвычайно широкому классу повествований, посвященных хождениям живого человека в потусторонний мир. Данная тема еди-

нообразно конструирует картину мира. Выше перечисленные сказочные формулы дают основание полагать, что перед нами миф. Миф, объясняющий происхождение одного из значимых божеств народа ханты – Ас тый ики. Этот мифологический персонаж имеет важное значение в картине мира народа ханты.

Литература

1. Успенская С.С. Касум мув моньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 292 с.
2. Кулемзин В.М. Мифология хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000, 310 с.
3. Земля Кошачьего Локотка = Кань Кунш Олэң / Т. Молданов Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 230 с.
4. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция /проблемы поэтики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1983.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1963.
6. Краткий курс лекций по учебной дисциплине «История религии обско-угорских народов» / сост. Т.А. Молданова. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008. 119 с.
7. Неклюдов С.Ю. Невидимый и нежеланный гость // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393-408.

References

1. Uspenskaja S.S. Kasum muv mon'wat-putrat. Skazki-rassказы Zemli Kazymskoj. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2002. 292 s.
2. Kulemzin V.M. Mifologija hantov. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000, 310 s.
3. Zemlja Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Олэң / Т. Moldanov Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2003. 230 s.
4. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaja tradicija /problemy pojetiki: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Kiev, 1983.
5. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M., 1963.
6. Kratkij kurs lekcij po uchebnoj discipline «Istorija religii obsko-ugorskih narodov» / sost. T.A. Moldanova. Hanty-Mansijsk: RIC JuGU, 2008. 119 s.
7. Necljudov S.Ju. Nevidimyj i nezhelannyj gost' // Issledovanija po lingvistike i semiotike. Sb. statej k jubileju Vjach. Vs. Ivanova. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 393-408.